

УДК 811.161.1

Е.Д. Козлов

ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ В ПОЭЗИИ Ю. МОРИЦ И Б. АХМАДУЛИНОЙ

При определении особенностей поэтического идиостиля одного автора или при сопоставлении идиостилей важную роль выполняет анализ специфики функционирования и языкового представления в тексте тропов «как единиц поэтического языка (ПЯ), организующих его тропеический уровень»; «установление специфических признаков тропеических средств, связанных с их текстовым употреблением» [8, с. 10]. Особый интерес для изучения представляет олицетворение как лингвостилистический и композиционный прием, характеризующий ПЯ в системе конкретного идиостиля.

Этот вопрос уже становился предметом внимания филологической науки. В частности, ему посвящен отдельный раздел коллективной монографии «Очерки истории языка русской поэзии XX века: Тропы в индивидуальном стиле и поэтическом языке» [8], где рассмотрены как общие теоретические вопросы, связанные с языковыми признаками олицетворения, его соотносительностью и взаимодействием с другими тропами, универсальными моделями и т. п., так и функционирование олицетворения в идиостиле ряда конкретных авторов: И. Анненского, С. Есенина, Б. Пастернака, Н. Рубцова, Н. Матвеевой, Б. Ахмадулиной. К проблеме использования родовых грамматических значений слов при олицетворении обращалась И.А. Ионова [3]. У Я.И. Гина [2] дано грамматическое обоснование родо-половой мотивации при олицетворении на фольклорном материале.

Нам представляется важным проследить особенности функционирования олицетворения в идиостилях авторов, относящихся к одному этапу литературного развития и одному гендерному ряду. Целью нашей работы является сопоставительный анализ языковых средств создания олицетворения в поэзии Ю. Мориц и Б. Ахмадулиной, принадлежащих, согласно теории циклического развития русской

литературы, предложенной М.Н. Эпштейном [11, с. 344-353], не только к одному циклу литературного развития (1920–1990 гг.), но и общей фазе, которая характеризуется исследователем как «социалистический сентиментализм» и отличается такими характеристиками, как искренность, исповедальность, нравственные поиски, внимание к внутреннему миру человека, склонность к самоанализу и рефлексии.

Решение вопроса об особенностях функционирования олицетворения в индивидуальном идиостиле имеет два аспекта: первый связан с выявлением его функциональной роли, второй – с определением способов его языковой реализации. А.Г. Нарушевич отмечает, что «В лингвистическом аспекте художественный прием олицетворения непосредственно связан с взаимодействием значения одушевленности-неодушевленности субстантива и его семантического окружения. Семантическая трансформация существительного при олицетворении состоит в актуализации контекстуально-обусловленной семы “живое” (а также семы “лицо”, обеспечивающей согласование с одушевленно-маркированными элементами контекста» [7, с. 135]. Поэтому анализ олицетворения с лингвистической точки зрения непосредственно связан с грамматической категорией рода, что нашло отражение в монографии Е.А. Скоробогатовой [10]. Это позволяет говорить о грамматическом олицетворении как особой разновидности данного тропа, языковом олицетворении, при котором в основу образа положена категории рода (или рода и лексической семантики) имени существительного [2, с. 27].

Авторы коллективной монографии «Очерки истории языка русской поэзии XX века: Тропы в индивидуальном стиле и поэтическом языке» [8], выявляя универсальные модели олицетворения, наиболее универсальным способом создания олицетворения справедливо считают «прием “перевертывания” реальных связей между человеком и окружающим его миром», указывая на такие его виды, как «перестановка связей и соотношений человека и природы» [8, с. 48], «перемена связей и позиций элементов зафиксированной ситуации» [8, с. 50] и «обращение к неодушевленному объекту» [8, с. 53]. Все эти способы олицетворения можно найти в поэзии изучаемых авторов.

Так, в лирике Б. Ахмадулиной наглядно реализуется принцип отделённости от человека, перенесения во внешний мир, автономизации его внутренних свойств, качеств и состояний: ...печаль моя печальна не вполне, / не до конца надежда безнадежна; И вот тогда тебя благодарю, / мой организм, живой зверёк природы... («В опустевшем доме отдыха») [1, с. 71]; Слух ослабел, осоловел («Воспоминание») [1, с. 375]; ...за малые рубли великими глазами / их страх глядит на нас... («Ивановские припевки») [1, с. 333–334]; ...зрачком суровым / любовь моя глядит из темноты! («Ночь») [1, с. 79]. В двух последних примерах можно отметить использование олицетворяющей детали (великими глазами; зрачком суровым) – общепозитического приема, характерного для поэзии XX века. Олицетворяющая деталь довольно широко используется Б. Ахмадулиной: Слепые, тайн не знающие руки / зачем вы окунули в **кровь** Дождя? («Сказка о Дожде») [1, с. 584]; О **жест** зимы ко мне, / холодный и прилежный <...> ...из темноты и муки / доверчивый недуг / к ней обращает **руки**? («Зима») [1, с. 50]; Уверенный, что мной уже любим, / бубнит и клянчит **голосок** предмета, / его **душа** желает быть воспета... («Ночь») [1, с. 78]; Склон горы, опрокинувшись и обомлев, / дышит **жабрами** щелей и **бронхами** сосен («Под горой – дом-горюн, дом-горыныч живет...») [1, с. 307]. В отдельных случаях олицетворяющая деталь основывается на использовании полисемии: ...мне маленькие самолёты / всё снятся, не пойму с чего. <...> Иль тычутся в меня они / **носами** глупыми... («Маленькие самолёты») [1, с. 60].

Нередко поэтесса прибегает к обнажению приема, «разворачивая» олицетворение, «материализуя» внутренние состояния человека, его свойства и качества [8, с. 89]: И постояльца прежнего звала / его тоска, дичавшая за шкафом («Описание ночи») [1, с. 106]; Рассудок – сам затворник и темница – / стал намекать, что вождь его – не я. // Бубнил, что тем и этим полушарьем / он криво сгорблен и стеснен весьма, / но одолеет должным прилежаньем / двумерное узилище ума. <...> Мой посторонний разум самовольно / витал, не сжатый ни в каких тисках («Видение розы») [1, с. 368–369]; Мой голос, словно снег, вам упадет в ноги, / и он умрет, как снег, и превратится в грязь

(«Взойти на сцену») [1, с. 125]; мне не застать врасплох твоей любви; («Тоска по Лермонтову») [1, с. 72]. Подобные примеры находим и у Ю. Мориц: Тогда моя душа, мой маленький народ, / Забывши ради песен скотоводство, / торговлю, земледелие, литьё / И боргничество, пахнувшее воском, / Пойдет к себе, возьмется за свое – / Щеглёнком петь по зимним перекрёсткам! («Приход вдохновения») [5, с. 11].

Объекты внешнего мира активно взаимодействуют с лирическим героем (чаще – лирической героиней) Ахмадулиной и одушевляются в соответствии с его мировосприятием: Я знала: электричество стропливо, / за что его и невзлюбил ремонт <...> Будильник мой давно был невменяем / И жил по усмотренью своему <...> Вдруг ожил телефон разбитый – / соперник съединенья голосов («Видение розы») [1, с. 368]; Нас одурачил нынешний сентябрь / с наивностью и хитростью ребенка («Нас одурачил нынешний сентябрь...») [1, с. 28]; Весна свой доживает срок («Воспоминание») [1, с. 375]; ...и к вечеру мужает юный холод («Опять сентябрь, как тьму времен назад...») [1, с. 129]; В этом плане выделяется стихотворение «Непослушание вещей», в котором душевное состояние лирической героини передается через персонификацию «непослушных» вещей, чей норв крут [1, с. 199–200]. Использует поэтесса и принцип «наоборотности», реализуемый через приём «перемены мест значимых элементов высказывания или предложения в позиции субъекта и объекта» [8, с. 50]: ...любой предмет глядит с кокетством женским, / красуется, следит за каждым жестом, / нацеленным ему воздать хвалу («Ночь») [1, с. 78]; О здесь углы не ушибают локоть... [1, с. 579].

Отмечаются у Ахмадулиной и олицетворения, создаваемые через обращение к неодушевленному объекту, представление его как участника диалога: Окликнул семинар: «Куда идешь, Иван?» / «На Кубу, семинар, все наше устремленье». / Дивится семинар столь дальним именам («Ивановские припевки») [1, с. 333]. «Олицетворения психологического вида» [7, с. 90], признаки которых наиболее четко проявляются в диалоге лирического героя с олицетворяемым объектом: Дом клялся мне, что никогда / он этой женщины не видел. / Он говорил: – Я пуст. Я пуст. – / Я говорила: – Где-то, где-то... – /

Он говорил: – И пусть. И пусть. / Входи и позабудь про это («Твой дом») [1, с. 26]; «О, воспой!» – умоляют уста / снегопада, обрыва, куста («Немота») [1, с. 80]; Ударь в меня, как в бубен, не жалей, / озноб, я вся твоя! Не жить нам розно! / Я – балерина музыки твоей! / Щенок озябший твоего мороза! («Озноб») [1, с. 576].

Как видим, самым регулярным способом создания олицетворения у Ахмадулиной является использование глагольных метафор, что вполне характерно для русской поэтической традиции.

Наряду с традиционными способами Ахмадулина использует и менее регулярные. Так, в ее стихах встречаются единичные примеры, когда олицетворение основано на онимизации апеллятива: Я с **Ёлкой** бедною прощаюсь: / ты отцвела, ты отгуляла. / Осталась детских щёк прыщавость / от пряников и шоколада («Изгнание Ёлки») [1, с. 365] или превращении топонима в антропоним в фигуре обращения: О **Латвия** моя, пребудешь ты сохранна («О Латвия моя, не тот я, кто своею...») [1, с. 382]; О **Латвия** моя, куда-то переносит / сюжет судьбы меня, прельщая и маня <...> О **Вентспилс**, моря брег и каждый камень знают / всё то, чего узнать не смею, не смогу («О Латвия моя, куда-то переносит...») [1, с. 383]. В редких случаях род стимулирует характерную для фольклорной традиции персонификацию: Друг столб («Друг столб») [1, с. 255]; Лакомка-неженка-Юрмала, / баловень близи морской («Лакомка-неженка-Юрмала...») [1, с. 546]. Подобной персонификации могут подвергаться и апеллятивы: Под горой – дом-горюн, дом-горыныч живет, / от соседства-родства упасенный отшибом («Под горой – дом-горюн, дом-горыныч живет...») [1, с. 307]. В двух последних фрагментах олицетворяющую функцию выполняют эпитеты, выраженные существительными и являющиеся в тексте приложением: **Лакомка-неженка-Юрмала**; дом-**горюн**, дом-**горыныч**.

Нами отмечены у Ахмадулиной случаи, когда весь текст стихотворения строится в форме обращение к олицетворяемому объекту. Одним из наиболее ярких примеров подобного рода может служить основанное на принципе отделенности от человека, перенесения во внешний мир его чувств (в данном случае – чувства любви),

стихотворение «Любовь моя, Ваш день рожденья...» [1, с. 538], в котором любовное чувство персонифицируется, а олицетворение выполняет текстообразующую функцию. Темой этого стихотворения является рождение любви лирической героини, *восход* любви и осознание её как основы бытия, соединяющей брэнное и вечное, земное и небесное: Любовь моя, Ваш день рожденья / я ныне начала, когда / в свой срок, сокрытая от зренья, / взошла полночная звезда. <...> Рассвет июльских первых суток, / безумная, я приняла / за Ваш триумф, за мой поступок / во славу Вашего числа [1, с. 538]. Не случайно поэтесса использует заглавную букву в написании местоимений «вы» и «ваш»: Любовь моя, **Ваш** день рожденья...; ...о **Вас** молился бред строки; Всё, что меж мной и **Вами** было...; ...светило / сбилось и относилось к **Вам**; ...за **Ваш** триумф, за мой поступок / во славу **Вашего** числа; ...я – **Ваша** выдумка, я вздор; ...**Вы** и я [1, с. 538].

Интересный пример олицетворения, используемого в сюжетообразующей функции, находим в поэме Ахмадулиной «Сказка о Дожде», где дождь персонифицирован, в первую очередь благодаря превращению апеллятива в оним и включению олицетворяемого объекта (Дождя) в диалог: Со мной с утра не расставался **Дождь**. / – О, отвяжись! – я говорила грубо. / Он отступал, но преданно и грустно / вновь **шёл** за мной, как маленькая дочь.

Текст построен на приёме актуализации внутренней формы стёртой языковой метафоры «дождь идет». Важную роль играют в связи с этим глаголы движения: **Иди** к цветам!; Дождь под окном пристроился, как нищий, / и сквозь стекло желал **пройти** ко мне; Он **наследит** там. Он ковры замочит; Тебе **ходить** со мною неприлично; – Ну, чёрт с тобой, – решила я, – **иди**!; Прощённый дождь **запрыгал** впереди; Мой мальчик Дождь! Скорей **иди** сюда!; **Отплясывал** нечаянный канкан; Дождь с выраженьем ласки и тоски, / Паркет марая, **полз** ко мне на брюхе [1, с. 577-585]. Реализации метафоры и переводу ее в буквальный сюжетный план способствует и использование словосочетания след Дождя, также приобретающего буквальное значение: В моих глазах двумя слезами плавал / лишь **след Дождя**, оставшийся во мне [1, с. 580].

Работают на персонификацию и используемые Ахмадулиной сравнения, в которых Дождь сопоставляется с живыми объектами – людьми, животными, антропоморфными существами: *как маленькая дочь*; *как нищий*; *как обезьяна* [1, с. 577]; *как сирота* [1, с. 578]; *как демон* [1, с. 580]; *как зверь или дитя* [1, с. 584] – и которые не вносят «конкретизации в облик олицетворяемого дождя» [8, с. 91]. Разворачивая олицетворение, Ахмадулина использует олицетворяющую деталь, наделяя дождь атрибутами внешности человека или животного: Дождь детским **пальцем** щекотал мне ухо [1, с. 578]; полз ко мне на **брюхе** [1, с. 584]. И хотя род существительного «дождь» определяет родо-половую принадлежность олицетворяемого объекта (Дождь – «он»), он он не делает его частью гендерной пары к «я» – с женскими грамматическими характеристиками (говорила; корила; вошла; вышла; обвязала; промокла и др.). Реализуемый в тексте мотив женской неустроенности, женского одиночества не связывается прямо с отсутствием любимого и неумением распознать именно любовное чувство. Лирическая героиня и Дождь просто принадлежат к одной стихии, представляя родственные души, на что указывает и сравнение: вокруг меня приплясывали дети, / как около **машины поливной** [1, с. 577], и метафора Мы из одной купели [1, с. 584].

К антропоморфной метафоре обращается и Ю. Мориц. В стихотворении «Осень в России» [6, с. 7-9] описана «осень – девушка». Конечно, самым частотным способом создания олицетворения у Ю. Мориц является характерное для русской поэтической традиции использование глагольных метафор. Но наряду с ним поэтесса прибегает и к менее регулярным. Так, у Ю. Мориц встречается использование антропонима с целью персонификации времени года. Поэтесса использует личное имя для поэтической конкретизации: Ах, осень – Настенька, Настасья, / Зачем кричишь ему «Останься!» [6, с. 8]. Хотя этот способ персонификации встречается нечасто, он все же не является уникальным, характерным только для Ю. Мориц. Похожие примеры можно найти в творчестве Н. Клюева (Багрецом, румянцем, зарью / И сосцом земляца-Дарья... («О чём шумят седые кедр») [4, с. 124]) и Д. Самойлова (Еленю звалась зима, / И

Марфою, и Катериной. / И я порою зимней, длинной / Влюблялся и сходил с ума («Названья зим») [9, с. 105]). Общим для всех этих фрагментов является то, что апеллятив, приобретая личное имя, персонифицируется и выделяется в тексте стихотворения. Ю. Мориц создает образ осени-девушки, не только наделяя ее женским именем (Настенька, Настасья [6, с. 7]), антропоморфным обликом и характерным женским одеянием (Ко мне на белый подоконник / Ты, осень, **голову** кладёшь [6, с. 9]; ...ягод яркие горошки / На **платьях** осени родной! [6, с. 7]; **Рукою** опустив за **ворот** / Однажды **нитку** горьких **бус** [6, с. 8]), используя глагольные метафоры (осень живет, приезжает, кричит, просится, кладёт) и прямую речь («Останься!»; «Постой!» [6, с. 8]), но и путем антропоморфных сравнений (словно **девочка-крестьянка** [6, с. 7]; как **дитя** [6, с. 9]), «помещения» ее в человеческое жилище (Живёт в лесу у полустанка / Она **в избушке лубяной** [6, с. 7]). Одним из способов персонификации становится создание гендерной пары «осень – поезд», где перифразом к осени является словосочетание смешная **девочка** [6, с. 8], а поезд сравнивается с мальчиком (Бежит, как **мальчик** по аллейке [6, с. 8]). Такая гендерная пара вносит в стихотворение мотив влюбленности, помогая передать идею женскости, которая характерна для творчества поэтессы в целом.

Среди поэтических текстов, полностью построенных на приеме олицетворения, у Ю. Мориц выделяется аллегорическое стихотворение «Ладья» [5, с. 79]. В нём для создания развернутого олицетворения наряду с лексическими средствами поэтесса использует средства грамматические, в частности родовую доминанту, благодаря чему ладья приобретает ярко выраженные женские черты. Это, в частности, подчеркивается пятикратным повтором слова *грудь*. Женская родовая доминанта и наличие гендерной оппозиции (*грудь – путь*) способствуют персонификации.

Рассмотренные конкретные примеры позволяют говорить о том, что Ю. Мориц достаточно часто прибегает к использованию олицетворяющей детали. Это характерно и для других её стихотворений, где активно используется олицетворяющая деталь: И чёрный сок,

ползущий вниз, / Был слаще славы, гуще дней, / Он падал **грудью** на карниз / Над бездной полною огней («Когда мы были голодны...») [5, с. 123]; Черешни розовое **тело** / Горело в окнах, как маяк («Когда мы были молодые...») [5, с. 34], в том числе и в сравнении: Вертелись кусты за террасами, / И волны проглатывал грот, / И молнии с их выкрутасами / Дрожали, как **плачущий рот** («Ливень») [5, с. 122].

В лирике Ю. Мориц представлены примеры реализации принципа отделённости от человека, перенесения во внешний мир его внутренних свойств, качеств и состояний: Дай порыться в закромах, / Скрыга-память! Вскрой свой терем! («Эту ветку миндаля...») [5, с. 117]; Душа облегчённая тонет / В блаженстве любви и свобод... <...> И чья-то безумная нежность / По капле отжала, как яд, / Угрюмство... («Душа облегчённая тонет...») [5, с. 119]. Однако подобная форма олицетворения не характерна для творчества Ю. Мориц и встречается в единичных случаях.

Олицетворения у Ю. Мориц могут создаваться и через представление олицетворяемого объекта как участника диалога. В подобной ситуации топоним – название залива в Нидерландах – превращается в антропоним: ...Чтобы крикнуть: – Зейдер-Зее! – / И услышать: – Что вам надо? / Говорите поскорее! – / Детский лепет, Зейдер-Зее! («Зейдер-Зее») [5, с. 37].

Мы уже отмечали, что самым частотным способом создания олицетворения у Ю. Мориц является характерное для русской поэтической традиции использование глагольных метафор. В стихотворении «Начало апреля») этот приём становится текстообразующим: Три дня, три ночи таяло вокруг, / Счастливыми слезами обливалось... <...> Среди берёз, сиреней, лип / Ещё не всё утешилось и смолкло. / Из-под земли, которая намокла, / Три дня, три ночи доносился всхлип. // Не знаю, кто во мраке холодов / Так всхлипывал три дня, три ночи кряду, / Но моему неопытному взгляду / Мерещились детёныши цветов. <...> Апрель на лютне людям шелестел [5, с. 30]. В этом примере следует отметить также оксюморонное словосочетание **детёныши** цветов, в котором существительное «детёныши», обозначающее молодых животных, выполняет персонифицирующую функцию.

Таким образом, есть основания утверждать, что олицетворения встречаются в идиостилиях обоих поэтов. Оба автора активно используют глагольную метафору, олицетворяющую деталь, персонификацию как композиционное средство, реализуют принцип отделённости от человека, перенесения во внешний мир его внутренних свойств, качеств и состояний. В то же время в лирике Ю. Мориц олицетворяющая деталь представлена реже; её поэзии в большей мере свойственна гендерная актуализация, при которой характерная для олицетворения семантизация рода оказывается более значимой для реализации поэтической задачи. В поэзии Б. Ахмадулиной также наблюдается характерная для олицетворения семантизация, однако гендерная экземплификация не является принципиально значимой для сюжетного развертывания стихотворения и создания персонифицированного образа.

Перспективным направлением исследования может быть сопоставление поэтических идиостилей по другим лингво-стилистическим параметрам в рамках метода сопоставительно-типологического анализа.

Литература

1. Ахмадулина Б.А. Полное собрание сочинений в одном томе / Б. А. Ахмадулина. – М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. – 856 с.: ил. – (Полное собрание в одном томе).
2. Гин Я.И. Поэтика грамматического рода / Я.И. Гин. – Петрозаводск: КГПИ, 1992. – 162 с.
3. Ионова И.А. Морфология поэтической речи / И.А. Ионова. – Кишинев: Штиинца, 1988. – 164 с.
4. Клюев Н. Избранное / Н. Клюев, С. Клычков, П. Орешин / [сост., авт. вступ. ст и примеч. В.П. Журавлёв]. – М.: Просвещение, 1990. – 352 с.: с ил. – (Библиотека словесника).
5. Мориц Ю.П. Избранное / Ю.П. Мориц. – М.: Советский писатель, 1982. – 496 с.
6. Мориц Ю.П. Мыс желанья / Ю.П. Мориц. – М.: Советский писатель, 1961. – 108 с.
7. Нарушевич А.Г. Категория одушевленности-неодушевленности в свете теории поля: дисс. ... канд. филол. наук / А.Г. Нарушевич. – Таганрог, 1996. – 163 с.

8. Очерки истории языка русской поэзии XX века: Тропы в индивидуальном стиле и поэтическом языке / [В.П. Григорьев, Н.Н. Иванова, Е.А. Некрасова, О.И. Северская]. – М.: Наука, 1994. – 271 с.
9. Самойлов Д.С. Избранные произведения: в 2-х тт./ Д.С. Самойлов.– М.: Художественная литература, 1989. – Т. 1. – 559 с.
10. Скоробогатова Е.А. Грамматические значения и поэтические смыслы: поэтический потенциал русской грамматики (морфологические категории и лексико-грамматические разряды имени): Монография / Е.А. Скоробогатова. – Харьков: НТМТ, 2012. – 480 с.
11. Эпштейн М.Н. Ирония идеала: Парадоксы русской литературы / М.Н. Эпштейн. – М.: Новое литературное обозрение, 2015 – 384 с.

Анотація

Є.Д. Козлов. Уособлення в поезії Ю. Моріц і Б. Ахмадуліної

У статті характеризуються особливості функціонування уособлення в ідіостиллях Ю. Моріц і Б. Ахмадуліної. Метою роботи є порівняльний аналіз мовних засобів створення уособлення. Відмічається, що обидва автори активно використовують дієслівну метафору, уособлюючи деталь, персоніфікацію як композиційний засіб, реалізують принцип відокремленості від людини її внутрішніх властивостей, якостей та станів. Поряд з традиційними засобами обидва поети використовують і менш регулярні, пов'язані з онімізацією апелювання або вживанням з метою персоніфікації неживого об'єкту антропоніма. У деяких випадках поетичний текст будується на прийомі актуалізації внутрішньої форми стертої мовної метафори. Ліриці Ю. Моріц притаманна гендерна актуалізація, коли характерна для уособлення семантизація роду виявляється більш значущою для реалізації поетичного завдання. У поезії Б. Ахмадуліної також спостерігається характерна для уособлення семантизація, однак гендерна екземпліфікація не є принципово значущою для сюжетного розгортання віршу та створення персоніфікованого образу.

Ключові слова: поезія, ідіостиль, уособлення, дієслівна метафора, гендерна актуалізація, уособлююча деталь.

Аннотация

Е.Д. Козлов. Олицетворение в поэзии Ю. Мориз и Б. Ахмадулиной

В статье характеризуются особенности функционирования олицетворения в идиостиллях Ю. Мориз и Б. Ахмадулиной. Целью работы является

сопоставительный анализ языковых средств создания олицетворения. Отмечается, что оба автора активно используют глагольную метафору, олицетворяющую деталь, персонификацию как композиционное средство, реализуют принцип отделённости от человека, его внутренних свойств, качеств и состояний. Наряду с традиционными способами оба поэта используют и менее регулярные, связанные с онимизацией апеллятива или употреблением с целью персонификации неживого объекта антропонима. В некоторых случаях поэтический текст строится на приёме актуализации внутренней формы стёртой языковой метафоры. Лирике Ю. Мориц свойственна гендерная актуализация, при которой характерная для олицетворения семантизация рода оказывается более значимой для реализации поэтической задачи. В поэзии Б. Ахмадулиной также наблюдается характерная для олицетворения семантизация, однако гендерная экземплификация не является принципиально значимой для сюжетного развертывания стихотворения и создания персонифицированного образа.

Ключевые слова: поэзия, идиостиль, олицетворение, глагольная метафора, гендерная актуализация, олицетворяющая деталь.

Summary

I.D. Kozlov. Personification in Y. Moritz's and B. Akhmadulina's Poetry

The article analyses the peculiarities of function of personification in individual styles of Y. Moritz and B. Akhmadulina who are the authors belonging to the same stage of the literary process. The article comprises a comparative analysis of personification means of the authors mentioned. Both authors actively use verb metaphors, personifying details, personification as a compositional means and realize the principle of distancing from human, transferring to outside world his or hers inner characteristics, states and qualities. Alongside with traditional means both authors use less common ones such as the onymization of appellatives or the use of an anthroponym for personification of an unanimated object. Sometimes the poetic text is formed with the use of actualization of inner form of a trite metaphor. At the same time Y. Moritz rarely use personifying details, her poetry more frequently includes the actualization of gender with its typical semantization of gender makes it more important for realization of poetic goals. B. Akhmadulina's poetry also has somatization which is typical for personification but the gender exemplification isn't so important for the unrevealing of the poetic plot and the personified image.

Key words: poetry, individual style, personification, verb metaphor, actualization of gender, personifying detail.

Інформація про автора

Козлов Євген Дмитрович – ORCID: 0000-0003-3364-856X; старший викладач кафедри ділової іноземної мови та перекладу Національного технічного університету «Харківський політехнічний інститут»; вулиця Кирпичова, 21, м. Харків, 61000, Україна